

УДК 316.613.4:94:303.621.35-057.87(47)(575.2)

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-7

Исследовательская статья

Шуклина Е. А.¹

Певная М. В.²

Городецкая Д. В.³

Джунушалиева Г. Д.⁴

Сон Н. А.⁵

**Историческая память о Великой Отечественной войне
в студенческой среде России и Кыргызстана:
социокультурное изменение**

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия

¹*e.a.shuklina@urfu.ru*

²*m.v.pevnaya@urfu.ru*

³*d.v.minchenko@urfu.ru*

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
проспект Чуй, дом 44, Бишкек, 720065, Кыргызская Республика

⁴*dzun5gulmera@gmail.com*

⁵*naka7son@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия и функционирования исторической памяти о Великой Отечественной войне в повседневной культурной практике студенческой молодежи России и Кыргызской Республики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления процессов трансформации коллективной памяти в постсоветских обществах, особенно в молодежной среде, подверженной влиянию новых форм медиа, образовательных практик и политических интерпретаций прошлого. Сравнительный подход позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты репрезентации памяти о Великой Победе в двух странах, связанных общим историческим наследием, но развивающихся в различных социокультурных и политических контекстах. Цель статьи – выявление и интерпретация сходств и различий в оценке значимости 80-летия Победы и символических установок, связанных с образом Великой Отечественной войны в представлениях студентов России и Кыргызстана. Методом сбора информации стало анкетирование, проведенное в рамках V волны федерального мониторинга «Студенчество о Великой Отечественной войне». В работе анализируются ответы студентов-граждан РФ (n=19232) и Кыргызской Республики (n=616), обучающихся в системе высшего образования. В российской выборке память о войне обладает более высоким уровнем институционализации и ритуализованности, подкрепляется многоуровневой системой трансляции (школа, вуз, медиа, семейные рассказы) и реализуется через активное участие студенчества в публичных мемориальных мероприятиях. В Кыргызстане память сохраняется преимущественно в индивидуализированных формах, опираясь на личные и семейные источники, а роль образовательных и медиасредств в формировании исторической памяти выражена в меньшей степени. Различия в структуре источников, характере участия и степени символического закрепления памяти о войне отражают более

широкие особенности национальных моделей мемориальной культуры и механизмов формирования гражданской идентичности в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: историческая память; коллективная память; молодежное сознание; студенчество; российские студенты; студенты Кыргызстана; социокультурный подход; сравнительный анализ

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 25-28-00900). <https://rscf.ru/project/25-28-00900/>.

Информация для цитирования: Шуклина Е. А., Певная М. В., Городецкая Д. В., Джунушалиева Г. Д., Сон Н. А. Историческая память о Великой Отечественной войне в студенческой среде России и Кыргызстана: социокультурное изменение // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 2. С. 105-121. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-7.

Research article

Elena A. Shuklina¹

Maria V. Pevnaya²

Daria V. Gorogetskaia³

Gulmira D. Dzhunushalieva⁴

Nazira A. Son⁵

Historical memory of the Great Patriotic War among students in Russia and Kyrgyzstan: a sociocultural perspective

The First President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University,
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia

¹*e.a.shuklina@urfu.ru*

²*m.v.pevnaya@urfu.ru*

³*d.v.minchenko@urfu.ru*

B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University,
44 Chuy Ave., Bishkek, 720065, Kyrgyz Republic

⁴*dzun5gulmera@gmail.com*

⁵*naka7son@gmail.com*

Abstract. This article examines the perception and function of the historical memory of the Great Patriotic War within the everyday cultural practices of university students in Russia and the Kyrgyz Republic. The study's relevance is driven by the need to comprehend the transformation of collective memory in post-Soviet societies, particularly among youth, who are subject to the influence of new media forms, educational practices, and political interpretations of the past. A comparative approach allows for the identification of both universal tendencies and country-specific patterns in how the memory of the Great Victory is represented in these two nations, which share a common historical legacy but are developing within distinct socio-cultural and political contexts. The article aims to identify and interpret the similarities and differences in how students from Russia and Kyrgyzstan assess the significance of the 80th anniversary of the Victory and the symbolic attitudes associated with the image of the Great Patriotic War. Data were collected via a questionnaire-based survey conducted as part of the 5th wave of the Federal Monitoring Project “University Students on the Great Patriotic War”. The study analyzes responses from students who are citizens of the Russian Federation (n=19,232) and the Kyrgyz Republic (n=616), all enrolled in higher education institutions. The analysis reveals that in the Russian cohort, the memory of the war is highly institutionalized and ritualized, reinforced by

a multi-level system of transmission (school, university, media, family narratives) and realized through students' active participation in public commemorative events. In Kyrgyzstan, this memory persists primarily in individualized forms, relying on personal and family sources, with educational institutions and media playing a less pronounced role in shaping historical memory. The differences in the structure of sources, the nature of participation, and the degree of symbolic entrenchment of war memory reflect broader differences in national models of memorial culture and the mechanisms of civil identity formation in the post-Soviet space.

Keywords: historical memory; collective memory; youth consciousness; students; Russian students; Kyrgyzstani students; sociocultural approach; comparative analysis

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 25-28-00900. <https://rscf.ru/project/25-28-00900/>.

Information for citation: Shuklina, E. A., Pevnaya, M. V., Gorogetskaia, D. V., Dzhunushalieva, G. D., Son, N. A. (2026), "Historical memory of the Great Patriotic War among students in Russia and Kyrgyzstan: a sociocultural perspective", *Research Result. Sociology and Management*, 12 (2), 105-121, DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-2-0-7.

Введение (Introduction).

Историческая память является ключевым фактором формирования социальной и национальной идентичности молодежи в обществах с трансформирующимся историко-политическим контекстом. В странах постсоветского пространства, включая Россию и Кыргызстан, память о Великой Отечественной войне (ВОВ) занимает центральное место в официальном историческом нарративе, выступая опорой для конструирования образов героического прошлого, гражданской солидарности и патриотизма. Учитывая, что молодежь является носителем будущего исторического сознания, исследование восприятия и трансляции памяти о ВОВ в этой социальной группе представляет особую актуальность в контексте формирования гражданской идентичности, сохранения культурной преемственности и анализа социокультурных различий внутри постсоветских стран (Горшков, Тюрина, 2023: 724; Ивченков, Никифоров, Ситникова, 2021: 130-135).

Целесообразность сравнительного анализа исторической памяти о ВОВ в молодежной среде России и Кыргызстана определяется несколькими ключевыми позициями. После распада СССР историческая память об общем прошлом

двух стран претерпела процесс национализации истории, в том числе пересмотр роли народов и республик в общем деле Победы. Сопоставление сложившихся интерпретационных рамок позволяет выявить, как общая история трансформируется под влиянием современных контекстов и воспринимается поколением, не знавшим участников войны 1941-1945 гг.

В России память о Победе используется в качестве элемента государственной идеологии, тогда как в Кыргызстане преобладает национально локализованный подход к исторической памяти и значимости достижений героев войны и тружеников тыла. Сравнение демонстрирует различия в институционализации памяти и ее ресурсного потенциала для национального самоопределения и влияния на молодежные представления о прошлом.

Социокультурный аспект памяти о Великой Отечественной войне в исторической ретроспективе демонстрирует как устойчивость, так и трансформацию механизмов ее сохранения в постсоветских обществах. В социокультурном пространстве России и Кыргызстана различимы модели, в которых память поддерживается преимущественно на уровне семейных и локальных практик,

либо воспроизводится с помощью институциональных форм (государственной политики, образования, официальных ритуалов). Сравнительный анализ позволяет выявить, какие социокультурные механизмы вовлечены в формирование и трансляцию исторической памяти о войне в студенческой среде, и какие каналы оказываются наиболее значимыми и эффективными (Горшков, Бараш, 2024: 129-130).

Методология и методы (Methodology and Methods). Историческая память – объект междисциплинарных подходов: социологического, культурологического, психологического, политологического и др. Многоаспектность ракурсов исследования углубляет понимание различия официальной истории и коллективной памяти (М. Хальбвакс), всегда соотносящейся с определенной социальной общностью и не существующей вне коллективного контекста. Если коллективная память – эмоционально окрашенное представление о прошлом, закрепленное в культурных практиках, ритуалах, семейных историях и культурных символах определенной социальной группы, сообщества, то официальная история институционализируется, апеллирует к научной объективности, систематизации, хронологической логике. Историческая память, балансируя между этими двумя полюсами, опирается на официальные нарративы, при этом всегда интерпретируется через призму опыта, идентичности и интересов социальных групп. По мнению Ж. Т. Тощенко, она избирательна, лабильна, может вступать в противоречие с официальной версией и даже вытесняться ею. Это зависит от того, какое значение придается историческому опыту в настоящем и как он может повлиять на будущее (Тощенко, 2000).

Историческая память – процесс социального конструирования реальности, результат коллективной трансформации,

где прошлое становится реальностью через intersubjective значения (семейные рассказы, школьные учебники, медиа), повторяющиеся нарративы и ритуалы (празднования, парады, музейные экспозиции), которые закрепляют определенные интерпретации, превращая их в «самоочевидные» в контексте актуальных запросов общества (Бергер, Лукман, 1995).

Содержание исторической памяти определяется транслируемыми от поколения к поколению знаниями, ценностными установками, идеями и убеждениями, традициями и сложившимися правилами (Мысливец, Романов, 2018). В этом смысле регулятивная функция исторической памяти проявляется в управлении поведением на различных уровнях – индивидуальном, групповом и общественном. В то же время ее интегративная функция способствует объединению носителей общей памяти, таких как этносы, нации и иные социальные общности (Мысливец, Романов, 2018: 11)

Носителем и транслятором исторической памяти выступает молодежь как социальная общность, студенческая молодежь, в частности. Она имеет ряд особенностей. Студенчество – переходная возрастная фаза между детством (усвоенная память) и взрослостью (рефлексивное отношение к прошлому), является объектом воздействия образовательной системы, семьи, медиа и государственной политики в формировании установок и образов прошлого. Именно для этого периода характерны подверженность трансформации исторической памяти под влиянием цифровых технологий, социальных сетей, риски потери исторического контекста в условиях глобализации и медийной фрагментации (Горшков, Тюрина, 2023: 730-731).

Теоретической рамкой нашего исследования является социокультурный

подход, в его основе – концепция коллективной памяти М. Хальбвакса, согласно которой память укоренена в социальной структуре и определяется рамками групповой идентичности (Хальбвакс, 2005); теория «мест памяти» П. Нора, подчеркивающая роль символических и материальных форм репрезентации прошлого (Нора, 1999); а также концепт культурной памяти Я. Ассмана, акцентирующий институционализированные механизмы хранения, трансляции и актуализации исторического знания (Ассман, 2004).

На основе социокультурного подхода была разработана методика исследования, структурированная в 6 блоков показателей, измеряющих: эмоционально-ценностное отношение к памяти о войне (для выявления уровня эмоциональной включенности, выражения коллективных чувств, связанных с датой Победы и символами памяти); коммуникативные практики передачи памяти (для определения воспроизводства памяти в межпоколенческом и повседневном общении); когнитивный уровень информированности и интереса (для фиксации уровня знаний и интереса, источников получения информации); идентичность и патриотизм (для анализа связи исторической памяти с самоидентификацией, патриотическим сознанием, гражданской позицией); институциональные и инфраструктурные формы поддержки памяти (для исследования восприятия молодежью политик памяти, включая состояние объектов, символов и мероприятий); мировоззренческие основания интерпретации памяти (для выявления влияния религиозных, этических и философских установок на осмысление прошлого). Такой подход позволяет анализировать память о ВОВ у студентов России и Кыргызстана как инструмент социализации в контексте культурных

традиций, образовательной политики и конструирования идентичности.

Ключевую рамку для сравнительного анализа, реализованного в нашем исследовании, задает понятие транснациональной памяти, которое обозначает форму исторической памяти, выходящей за пределы национальных границ и укорененной в общих культурных, медийных и институциональных формах воспроизводства (Björkdahl, Kappler, 2019). На постсоветском пространстве память о Великой Отечественной войне представляет собой феномен постимперской транснациональной памяти. Изначально сформированная в рамках единой советской историко-политической парадигмы, она продолжает существовать в новых национальных государствах, где одновременно происходит ее локализация и инерционное воспроизводство. Благодаря циркуляции через общие медиа, образовательные ресурсы и социальные связи, эта память формирует уникальный коллективный архив общей памяти. Таким образом, память о войне, Великой Победе в Кыргызстане и России находится в зоне перекрестного влияния между национализацией исторических нарративов и тяготением к общей (советской) памяти как культурному ресурсу.

Постановка проблемы. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения трансформации коллективной памяти о Великой Отечественной войне в условиях постсоветского развития. Несмотря на общее историческое прошлое, современные процессы национального самоопределения России и Кыргызстана формируют различные модели мемориальной культуры. Особый научный интерес представляет студенческая молодежь как социальная общность, чье восприятие войны складывается в результате сложного взаимодействия официальных нарративов,

образовательных практик и семейных традиций. Сравнительный подход позволяет выявить как универсальные, так и специфические черты репрезентации памяти о Великой Победе в двух странах, связанных общим историческим наследием, но развивающихся в различных социокультурных и политических контекстах.

В связи с этим ключевым исследовательским вопросом выступает: Каковы особенности социокультурного восприятия исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческой среде России и Кыргызстана, какие социокультурные механизмы участвуют в ее формировании и трансляции среди студенческой молодежи двух постсоветских государств? Цель исследования: выявить особенности восприятия и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне среди студентов России и Кыргызстана как стран, имеющих общий значимый период своей истории.

Основным методом сбора информации стал анкетный опрос, проведенный в рамках V волны федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне». Данные были

собраны Уральским отделением Российского общества социологов – научной группой кафедры социологии и технологий ГМУ Уральского федерального университета при участии авторов статьи в период с декабря 2024 г. по февраль 2025 г. В этой статье анализируются и сравниваются результаты опроса студентов – граждан России и Кыргызской Республики. Целевой группой исследования выступили все категории обучающихся в системе высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура). Подключение вузов к опросу было инициативным по приглашениям, которые направлялись в государственные вузы РФ и Кыргызстана. Отклик составил около 10 % (85 из 888 российских государственных вузов и 3 из 33 кыргызских). Выделенные подвыборки студентов России и Кыргызской Республики получились не равными по объему, что обусловлено различиями в масштабе систем высшего образования двух соседствующих государств, но при этом их структура отражает характеристики генеральной совокупности (см. Таблицу 1), что позволяет корректно сопоставлять распределения ответов студентов анализируемых стран, делать достоверные и обоснованные выводы.

Таблица 1
Соотношение генеральной и выборочной совокупностей исследования

Table 1

The ratio of the general population and the sample population of the study

Уровни подготовки / Academic levels	Россия / Russia		Кыргызстан / Kyrgyzstan	
	Структура генеральной совокупности, 2024 / Structure of the General Population, 2024	Структура выборочной совокупности / The structure of the sample population	Структура генеральной совокупности, 2024 / Structure of the General Population, 2024	Структура выборочной совокупности / The structure of the sample population
Бакалавриат / Bachelor's degree	2 950 895 (67%)	13847 (72%)	171 117 (74%)	499 (81%)
Специалитет / Specialist degree	901 130 (20%)	4616 (24%)	48 560 (21%)	92 (15%)

Магистратура / Master's degree	579 662 (13%)	769 (4%)	11 562 (5%)	25 (4%)
Итого / Total	4 431 687 (100%)	19232 (100%)	231 239 (100%)	616 (100%)

Объем подвыборки российских студентов V волны мониторинга – 19232 человека, что составило 0,43% от генеральной совокупности (N = 4,43 млн чел., по данным Министерства науки и образования на 2024 г.)¹. Гуманитарная специализация выступает ведущей для 40% опрошенных российских студентов. Технические образовательные программы осваивают 20% юношей и девушек, принявших участие в опросе, социально-экономические – 16%. Медицинское образование получают 15% респондентов. Естественно-научный профиль подготовки – у 7% опрошенных обучающихся, военная сфера, физическая культура и спорт – у 2%. Среди опрошенных 67% девушек и 33% юношей.

В Кыргызской Республике приняли участие в опросе 616 студентов, что составляет 0,47% от генеральной совокупности (N = 231 239 чел., по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики на 2024 г.)². Среди студентов этой подвыборки 33% осваивают программы высшего образования гуманитарной направленности, 24% – социально-экономической. Техническая

специализация характерна для практически каждого пятого (18%) опрошенного студента вузов Кыргызстана. На естественно-научном треке обучаются 16% респондентов. Оставшиеся 9% получают высшее образование в сфере медицины, физической культуры и спорта. В подвыборке 62% девушек и 38% юношей.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Анализ восприятия памятных дат, таких как 80-летие Великой Победы, позволяет выявить актуальные контуры исторической памяти как элемента повседневной социокультурной практики молодежи в разных национальных и политико-культурных контекстах.

Представленные в Таблице 2 данные отражают не только эмоционально-ценностное отношение молодежи к юбилею Победы, но и демонстрируют степень укорененности памяти о войне в коллективном сознании, различия в интерпретации символических смыслов подвига и героизма, а также восприятие рисков утраты этой памяти под влиянием социально-информационных трансформаций.

¹ Сведения за 2024 г. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Минобрнауки России: [сайт]. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 10.04.2026).

² Численность студентов организаций высшего профессионального образования по территории (человек) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/342/> (дата обращения: 10.04.2026).

Таблица 2

Студенты об отношении к 80-летию Победы, % к числу ответивших

Table 2

Students' attitudes towards the 80th anniversary of Victory, % of respondents

Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата? / The 80th anniversary of Victory is approaching. What thoughts and emotions does this date evoke in you?	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников / The memory of the past war remains alive for my generation.	9	22
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений / The heroic feat of the older generations, their self-sacrifice and love for the Motherland, will serve as an example for future generations	51	56
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы / Over the years, the memory of the war is increasingly erased from the consciousness of new generations; it is overshadowed by other events and problems	27	16
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи / The heroism and self-sacrifice of the Great Patriotic War are becoming alien concepts to a significant portion of today's youth.	13	6
Всего / Total	100	100

В обоих случаях доминирует ориентация на героико-нравственную интерпретацию прошлого: подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине сохраняют статус значимого эталона, актуального для формирования гражданской и культурной идентичности молодежи обеих стран. Одновременно с этим фиксируется различная степень включенности студентов в актуальные формы коллективной памяти. Учащиеся российских вузов чаще отмечают наличие мемориальной чувствительности в среде сверстников, что может свидетельствовать о более устойчивой институционализации исторической памяти через образовательные программы,

патриотические практики, медиаповестку, культурную политику (Филоненко, Магранов, Киенко, Зайцева, Позднякова, 2024: 194-196). В контексте Кыргызстана респонденты в большей степени обращают внимание на процессы ослабления памяти, ее частичную вытесненность другими социокультурными проблемами, что, вероятно, отражает менее системную институциональную поддержку мемориального дискурса. В терминах П. Нора, здесь можно говорить о различной степени «символической нагрузки» объектов памяти, значимых для формирования национального нарратива (Нора, 1999).

Отдельного внимания заслуживает зафиксированная доля ответов,

указывающих на «стирание» памяти в массовом сознании. Эти оценки свидетельствуют о трансформации механизмов социализации в условиях изменения медиапространства, актуализируя изучение взаимодействия институциональных, семейных и медийных каналов трансляции памяти. Коллективная память всегда опосредована социальной структурой и зависит от рамок групповой идентичности (Хальбвакс, 2005), а потому ее устойчивость в молодежной среде может варьироваться в зависимости от контекста.

Дополнительное подтверждение актуальности исторической памяти среди студенческой молодежи дают данные по вопросу о личной заинтересованности в тематике Великой Отечественной войны. На утверждение «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно» абсолютное большинство студентов выразило несогласие: среди респондентов из России с этим утверждением не согласны 72%, в Кыргызстане – 59%. Еще

23% российских и 36% кыргызстанских студентов выбрали вариант «не вполне согласен», что также указывает на наличие хотя бы частичной вовлеченности и отказ от полной отстраненности от исторического опыта. Лишь незначительная часть студентов – по 5% в каждой выборке – открыто выразили безразличие к данной теме.

Таким образом, в целом сохраняется значимость памяти о Великой Отечественной войне как элемента гражданского самосознания. Полученные данные подтверждают существование устойчивого мемориального кода, играющего важную роль в самоидентификации и межпоколенческой трансляции ценностей.

Анализ ответов на вопрос о значении Дня Победы в семейной традиции позволяет глубже понять характер функционирования исторической памяти в повседневной культурной практике студенческой молодежи (Таблица 3).

Таблица 3

Студенты о значении Дня Победы в семейной традиции, % к числу ответивших

Table 3

Students on the significance of Victory Day in family tradition, % of respondents

Чем для Вашей семьи является «День Победы»? / What does “Victory Day” represent for your family?	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
«Праздник со слезами на глазах» / “A holiday with tears in your eyes”	22	40
День памяти о родных, прошедших войну / Memorial Day for relatives who went through the war	21	13
День гордости за СССР / Pride Day for the USSR	41	41
Просто выходной / Just a day off	15	5
Другое / Other	1	1
Всего / Total	100	100

В обоих национальных контекстах наиболее часто День Победы обозначается как день гордости за СССР, что свидетельствует о сохранении в коллективном сознании позитивного образа советской эпохи, ее символического капитала и памяти о Победе как об общем цивилизационном достижении. Историческая память о войне продолжает выполнять функцию культурного ресурса, способствующего поддержанию

преемственности исторического нарратива в постсоветском пространстве.

В то же время в ответах студентов из России существенно чаще встречается определение праздника как «дня со слезами на глазах». Это указывает на более выраженный эмоциональный и экзистенциальный компонент семейной памяти, что, вероятно, связано с более глубокой интеграцией мемориальных практик в культурную среду, а также

с наличием прямых семейных связей с участниками войны. В Кыргызстане же более значимое место занимает акцент на «памяти о родных», прошедших войну, что может отражать более персонифицированный и локализованный характер мемориальных практик, опирающийся на устную традицию и семейное предание.

В обеих выборках минимальна доля респондентов, воспринимающих День Победы исключительно как выходной. Подтверждается тезис о том, что День

Победы остается значимым социокультурным маркером, включенным в систему семейной и общественной памяти. Различия в акцентах от институционально-патриотического до персонализированного и аффективного отражают специфику национальных и локальных практик трансляции памяти, формируя структурно устойчивые механизмы межпоколенческой социализации. Анализ практик участия в праздновании 9 Мая представлен в Таблице 4.

Таблица 4
Студенты о практиках участия в праздновании 9 Мая, % к числу ответивших*

Table 4

Student participation practices in Victory Day celebrations (May 9), % of respondents*

Как обычно Вы проводите 9 мая? / How do you usually spend May 9?	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
Смотрю парад по ТВ (на Красной площади, местный) / I watch the parade on TV (on Red Square, local)	29	56
За праздничным столом / At the festive table	8	19
Принимаю участие в шествии «Бессмертный полк» / I take part in the Immortal Regiment March	9	31
Возлагаю цветы к Вечному огню, памятникам / I lay flowers at the Eternal Flame and monuments	6	28
Участвую в праздничных мероприятиях / I participate in festive events	14	31
Поздравляю ветеранов / Congratulations to the veterans	11	19
Сам или вместе с родными хожу на кладбище, где похоронены родные – участники войны / I go to the cemetery where my relatives who fought in the war are buried, either alone or with my family.	3	11
Просто гуляю и отдыхаю / Just walk and relax	16	22
Всего / Total	96	217

*Сумма >100%, т. к. одновременно респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа / The sum is >100%, as respondents could select multiple answers at the same time

Наиболее заметным отличием является более высокая активность студентов в России по всем видам публичных и коллективных практик: просмотр парада, участие в шествии «Бессмертного полка», возложение цветов, посещение памятных мест. Это позволяет говорить о большей степени институционализации и ритуализации

памяти о Великой Отечественной войне в российском культурном пространстве. Подобные формы участия свидетельствуют о наличии устойчивых механизмов вовлечения молодежи в коллективную мемориальную практику через официальные каналы (школа, ВУЗ, медиа) семейные установки.

В то же время в Кыргызстане практики участия носят более эпизодический и персонализированный характер. Значительно меньшая доля студентов включается в массовые формы памяти (шествия, возложение цветов или поздравления ветеранов). Это может объясняться слабой институционализацией мемориального дискурса и менее выраженной нормой участия в ритуализованных практиках. Определенную роль играет переориентация коллективной идентичности на задачи нациостроительства. Тем не менее, сохранение практик просмотра парада и семейных празднований подтверждает значимое место Дня Победы в культурном календаре, хотя и с меньшей символической интенсивностью.

Российские студенты демонстрируют комплексное участие в мемориальных практиках, сочетая официальные, семейные и гражданские формы. Согласно концепции Я. Ассмана, это отражает функционирование культурной памяти через институциональные каналы. В Кыргызстане институциональная рамка памяти выражена слабее, а ключевую роль играют локальные и семейные формы трансляции при отсутствии масштабного воспроизводства культурного кода через публичные ритуалы.

Анализ эмпирических данных позволяет углубить интерпретацию социокультурных механизмов воспроизводства и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне в молодежной среде России и Кыргызстана (Таблица 5).

Таблица 5

Уровень осознания студентами Кыргызстана и России собственной информированности о Великой Отечественной войне, % к числу ответивших

Table 5

Level of awareness among students of Kyrgyzstan and Russia about the Great Patriotic War, % of respondents

Считаете ли Вы, что у Вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне? / Do you think you have enough knowledge about the Great Patriotic War?	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
Да / Yes	17	35
Не совсем, надо бы больше, но... / Not quite, I need more, but...	43	36
Не совсем, но мне хватает / Not really, but it's enough for me	31	25
Нет / No	9	4
Всего / Total	100	100

На вопрос о достаточности знаний о Великой Отечественной войне большинство респондентов в обеих странах не выражают полной уверенности. При этом в студенческой среде России доля тех, кто считает свои знания достаточными, почти вдвое выше, чем в Кыргызстане. Это указывает на большую степень включенности в институционализированные каналы памяти в российском контексте, где историческая

память о войне остается важным элементом государственной идеологии и образовательной политики.

В рамках социокультурного подхода проанализируем те институты, практики, медийные структуры, через которые формируются образы прошлого и закрепляются элементы идентичности, значимые для студенчества как социальной группы (Таблица 6).

Таблица 6

Студенты Кыргызстана и России об источниках получения знаний
о Великой Отечественной войне, % к числу ответивших*

Table 6

Students of Kyrgyzstan and Russia on sources of knowledge about the Great Patriotic War,
% of respondents*

Из каких источников Вы получили знания о Великой Отечественной войне? / Where did you get your knowledge about the Great Patriotic War?	Кыргызстан / Kyrgyzstan	Россия / Russia
Школьные учебники / School textbooks	74	74
Учителя / Teachers	70	77
Преподаватели вуза / University professors	27	33
Рассказы родных / Relatives' stories	52	67
Советские художественные фильмы / Soviet feature films	48	65
Современные художественные фильмы / Modern feature films	23	35
Советские документальные фильмы / Soviet documentaries	35	46
Современные документальные фильмы / Modern documentaries	18	29
Общение с ветеранами, знакомство с их воспоминаниями / Communication with veterans and their memories	18	30
Научные исследования / Scientific research	10	10
Художественная литература / Artistic literature	27	42
Мемуары полководцев / Memoirs of military commanders	9	11
Телепередачи / TV shows	28	34
Социальные сети в Интернете / Social networks on the Internet	39	40
Сайт университета, института, колледжа, училища и т. п. / Website of a university, institute, college, school, etc.	5	7
Стенды, рассказывающие о ВОВ, ее участниках, в Вашем учебном заведении / Displays at your school about World War II and its participants	9	21
Музеи, выставки / Museums and exhibitions	33	53
Всего / Total	525	675

*Сумма >100%, т. к. одновременно респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа / The sum is >100%, as respondents could select multiple answers at the same time

В обеих странах ведущими источниками знаний о войне названы школьные учебники (по 74% респондента в каждой стране) и учителя (70% в Кыргызстане, 77% в России). Это подтверждает значимость школьного образования как ключевого механизма

формирования официальной исторической памяти, особенно учитывая то, что школьная программа структурирована в соответствии с государственной исторической политикой.

Значение высшей школы (преподаватели вуза) значительно ниже –

27% в Кыргызстане и 33% в России, что свидетельствует о ограниченной роли вузов как площадок глубокого осмысления памяти о войне, несмотря на потенциал высшего образования как пространства критической исторической рефлексии.

Высокие показатели практик семейных рассказов (52% в Кыргызстане, 67% в России) указывают на сохранение важной неформальной традиции внутрисемейной трансляции исторической памяти. Особенно показателен результат в российской выборке, где семейная память усиливает государственную героизацию войны, поддерживая связь поколений. Это демонстрирует, что историческая память студентов имеет не только институциональный, но и экзистенциально-идентификационный характер, основанный на семейных историях.

Участники опроса активно указывают на советские художественные фильмы как важный источник знаний (48% Кыргызстан, 65% Россия), что говорит об устойчивости героического канона, закрепленного в кинематографе советского периода. Эти фильмы продолжают функционировать как культурные медиаторы коллективной памяти, формируя стандартизированный и эмоционально насыщенный образ войны.

Современные художественные фильмы и документалистика также фигурируют в ответах (современные художественные 23/35, современные документальные 18/29), однако их влияние пока остается вторичным по отношению к советскому кинематографу, особенно в Кыргызстане, что указывает на инерционность и каноничность визуальных нарративов, передаваемых из советской эпохи.

Источники, связанные с непосредственным контактным опытом или рефлексивным знанием, такие как общение с ветеранами (18/30), музеи и выставки (33/53), научные исследования (10/10), мемуары (9/11), стенды в вузах (9/21), играют второстепенную роль в структуре восприятия войны студентами.

Их относительно низкие показатели объясняются как уходом поколения ветеранов, так и недостатком критического исторического знания в образовании.

Интересно, что социальные сети названы почти равным числом респондентов (39% Кыргызстан, 40% Россия), что отражает глобальную тенденцию медиатизации исторического знания. Эта особенность требует особого внимания в контексте формирования навыков критического медиапотребления среди студентов.

Заключение (Conclusions).

Коллективная память о Великой Отечественной войне сохраняет транскультурные и транснациональные измерения в границах России и Кыргызстана. Исследование показало, что в России значимым социальным контекстом памяти выступает государственная мемориальная идеология, тогда как в Кыргызстане память о войне является менее централизованной и менее политизированной, уступая место другим историческим темам (например, родовой истории, национальному возрождению). Выявленное различие позволяет утверждать о наличии двух типов мемориальной политики на постсоветском пространстве, что открывает возможности для сравнительной типологизации стран с общим советским прошлым, но с разными стратегиями формирования национальной идентичности при обращении к событиям и героям прошлого.

Россия реализует интегративную модель исторического образования, в которой Великая Победа занимает одно из центральных мест, тогда как в Кыргызстане учебники и программа склонны к упрощению советского прошлого, с акцентом на национально-государственное строительство. Для российской молодежи память о войне остается символом национального единства, а в Кыргызстане она чаще воспринимается как общесоветское наследие или элемент русскоязычного культурного поля. Это расхождение актуализирует вопрос о том, насколько устойчивым оказывается

«общесоветское» в структуре исторического сознания молодых поколений современных стран СНГ в условиях ослабления институциональной поддержки коллективной памяти.

Структура источников получения знаний о войне демонстрирует сложный многослойный характер памяти. На первом месте у обеих групп студенческой молодежи школа и учителя, что подтверждает ключевую роль формального образования в сохранении коллективной памяти. Значительное присутствие семейных рассказов (особенно в России) указывает на живую память внутри семьи как важнейший неформальный канал передачи исторического опыта.

Визуальные и медийные практики имеют особое значение в трансляции памяти о войне. Высокие показатели по источникам этой группы в российской выборке подтверждают эффективность медиа в воспроизводстве «героического канона». В Кыргызстане такие каналы используются менее интенсивно, что, вероятно, отражает иную символическую нагрузку в национальном историческом сознании.

Иные публичные формы мемориализации демонстрируют относительно невысокие показатели по таким источникам, как музеи, стенды в образовательных учреждениях, научные исследования, что говорит о недостаточном вовлечении студентов в публичные и исследовательские формы исторической рефлексии. Инструментарий нашего исследования не позволил однозначно установить, является ли такой скорее низкий уровень вовлеченности в публичные формы памяти осознанным отказом современной молодежи от ритуализированных форматов в пользу неформальных коммеморативных практик. Однако, по результатам опроса, российская выборка демонстрирует большую активность в рассмотренных направлениях, что можно рассматривать как следствие

более эффективной государственной политики памяти.

Социокультурные механизмы трансляции памяти о войне опираются как на формальные (школа, вуз, медиа), так и неформальные каналы (семья, культурные практики). Различия между российскими и кыргызстанскими студентами отражают степень институционализации памяти в государственной политике и уровень вовлеченности молодежи в мемориальную культуру. В России медиа эффективно воспроизводят «героический канон», политика по сохранению исторической памяти способствует большей вовлеченности молодежи в публичные формы мемориализации. В Кыргызстане, напротив, память о героях и событиях 1941-1945 гг. менее централизована и политизирована, визуальные и медийные формы тематического контента используются студенчеством менее интенсивно. В связи с этим видится целесообразным усиление трансляции памяти через неформальные каналы с учетом того, что для молодежи Кыргызстана память о войне и Великой Победе, как правило, не выступает ядром национальных мифологем.

В целом память о ВОВ играет важную роль в процессе гражданской социализации, занимает центральное место в структуре исторического сознания постсоветских обществ, особенно в России, где выступает «ядром» национального мифа, символом героизма и национального единства. Победа в войне – мифологема, в постсоветской России активно используемая в государственной политике идентичности. В Кыргызстане память о войне сохраняется и как часть общего советского прошлого, и как элемент, переосмысляемый в свете национального суверенитета и локальной исторической повестки. Это создает сложные модели идентификации. Для молодежи ВОВ может быть и символом сопричастности великой истории, и абстрактным событием из далекого

чуждого прошлого, что ставит перед государственными институтами и образовательными учреждениями задачу дифференцированного подхода к мемориальной политике в зависимости от реальных практик сохранения коллективной памяти молодого поколения с учетом идеологических конструктов.

Ограничения нашего исследования связаны с тем, что, несмотря на репрезентативность анализируемых подвыборок, их соответствие генеральной совокупности, в статье рассматриваются особенности исторической памяти о Великой Отечественной войне только среди студенческой молодежи двух стран, имеющих общее советское прошлое, – России и Кыргызстана. Тем не менее анализ результатов других российских и зарубежных исследований схожей тематики показывает, что выявленные различия между моделями мемориальной политики могут быть показательны и справедливы для других стран-членов СНГ. Представляется возможным прогнозировать перспективы развития научной тематики в направлении реализации сравнительных межстрановых исследований по заявленной проблематике, включая анализ ответов других возрастных категорий и социальных групп. Перспективным видится и более глубокое изучение взаимосвязи между степенью политизации коллективной памяти и интенсивностью неформальных каналов ее трансляции в различных институциональных контекстах.

Список литературы

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.

Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) //

Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125-137. DOI: 10.31857/S0132162524090119. EDN: MIDOFQ.

Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. № 4. С. 720-739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739. EDN: FQZJXO.

Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Ситникова С. В. Социальная память о Великой Отечественной войне в поколенческом ракурсе (кейс Саратовской области) // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 125-136. DOI: 10.31857/S013216250014473-3. EDN: URJZPX.

Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 9-19. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19. EDN: YNUEIQ.

Нора П. Проблематика мест памяти. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14. EDN: RGEDNB.

Трансформация гражданственности студенчества в «переломное время» (на материалах фокус-групп и эссе студентов вузов Ростовской области в 2022 и 2024 гг.) / Филоненко В. И., Магранов А. С., Киенко Т. С., Зайцева М. И., Позднякова Ю. Н. // Научный результат. Социология и управление. 2024. № 3. С. 184-199. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-2. EDN: RTMMLV.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41 (2-3). С. 8-27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollekti-vnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 28.12.2025).

Björkdahl A., Kappler S. The Creation of Transnational Memory Spaces: Professionalization and Commercialization // International Journal of Politics, Culture and Society. 2019. № 32. Pp. 383-401.

References

- Assman, J. (2004), *Kulturnaya pamyat: Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures], Translated by Sokolskaya, M. M., Languages of Slavic Cultures, Moscow, Russia. (In Russian)
- Berger, P., Lukman, T. (1995), *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise on Sociology of Knowledge], Translated by Rutkevich, E. D., Medium, Moscow, Russia. (In Russian)
- Gorshkov, M. K. and Barash, R. E. (2024), “Historical Memories of Russians Today (history of the XX century Russia in the optics of families’ stories)”, *Sociological Studies*, (9), 125-137, DOI: 10.31857/S0132162524090119, EDN: MIDOFQ. (In Russian)
- Gorshkov, M. K. and Tyurina, I. O. (2023), “Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts”, *RUDN Journal of Sociology*, (4), 720-739, DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739, EDN: FQZJXO. (In Russian)
- Ivchenkov, S. G., Nikiforov, Ya. A. and Sitnikova, S. V. (2021), “Social Memory of Russians about the Great Patriotic War (The Case of the Saratov Region)”, *Sociological Studies*, (7), 125-136, DOI: 10.31857/S013216250014473-3, EDN: URJZPX. (In Russian)
- Myslivets, N. L. and Romanov, O. A. (2018), “Historical memory as a social-cultural phenomenon: an attempt of sociological reconstruction”, *RUDN Journal of Sociology*, (1), 9-19, DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19, EDN: YNUEIQ. (In Russian)
- Nora, P. (1999), *Problematika mest pamyati* [The problem of places of memory], Translated by Khapaeva, D., Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Publishing House of Saint Petersburg State University], Saint-Petersburg, Russia. (In Russian)
- Toshhenko, Zh. T. (2000), “Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat: analiz sovremennogo sostoyaniya” [Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state], *Novaya i noveyshaya istoriya*, (4), 3-14, EDN: RGEDNB. (In Russian)
- Filonenko, V. I., Magranov, A. S., Kienko, T. S., Zaitseva, M. I. and Pozdnyakova, Ju. N. (2024), “Transformation of student citizenship in a “turning point” (based on focus groups and essays by students of Rostov region universities in 2022 and 2024)”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (3), 184-199, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-2, EDN: RTMMLV. (In Russian)
- Halbwachs, M. (2005), “Collective and historical memory”, *Neprikosnovennyy zapas*, 2-3 (40-41), available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollekti-vnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 28 December 2025). (In Russian)
- Björkdahl, A. and Kappler, S. (2019), “The Creation of Transnational Memory Spaces: Professionalization and Commercialization”, *International Journal of Politics, Culture and Society*, (32), 383-401.

Статья поступила в редакцию 01 марта 2026 г. Поступила после доработки 01 апреля 2026 г. Принята к печати 10 апреля 2026 г. Received 01 March 2026. Revised 01 April 2026. Accepted 10 April 2026.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Шуклина Елена Анатольевна, д-р социол. наук, профессор, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Elena A. Shuklina, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Певная Мария Владимировна, д-р социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Maria V. Pevnaya, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology and Technology of Public Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Городецкая Дарья Вячеславовна, аспирант, ассистент, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский Федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Daria V. Gorodetskaia, Graduate Student, Assistant Lecturer, Department of Sociology and

Technology of Public Administration, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Джунушалиева Гульмира Дженишевна, д-р. истор. наук, проф., зав. кафедрой рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика.

Gulmira D. Dzhunushalieva, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, B. N. Yeltsin

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

Сон Назира Александровна, старший преподаватель, кафедра рекламы и связи с общественностью, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика.

Nazira A. Son, Senior Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.